

русским крестьянином. Этнолингвистическую информацию можно извлечь из факта представленности разных по своему когнитивному генезису моделей в одной рубрике семантической типологии: сочетание собственно пространственных и непространственных по своей исходной семантике маркеров в семантическом типе «положение в пространстве» свидетельствует о способности субъекта картировать пространство через призму непространственных категорий (погодных условий, ритуальных действий и т.п.).

Семантическая типология весьма продуктивна не только в этнолингвистическом плане, но и при осуществлении *этимологизации и семантической реконструкции* топонимов. Приведем примеры такого рода, базируясь на тех топонимических рядах, которые были отмечены выше. Например, при интерпретации названий типа пок. *Содом* [М-Реч], пок. *Содомиха* [К-Г], полосы *Содома* [Уст] необходимо учесть рус. диал. *содомить* 'шуметь; ругаться' [ЛК ТЭ], а также обширный ряд топонимов, отражающих тяжбы из-за земельных угодий (*Браниха, Спорница, Судебное* и т.п.). Для этимологизации названия г. *Рачень* [Бел] следует привлечь рус. диал. *рачить* 'смотреть, высматривать', *рачки, рачилы* 'выгаращенные глаза' [ЛК ТЭ], восстановив мотивирующий смысл 'место, откуда можно обозреть местность', ср. группу обозначений возвышенных мест с аналогичной мотивировкой – *Гляден, Видон, Смотрилка, Позориха* и т.п.

Итак, создание семантической типологии топонимов представляется одной из наиболее важных задач топонимастики. Данная работа актуальна как для построения общей теории имени собственного, так и для осуществления этнолингвистического и этимологического аспектов топонимического исследования.

И.В.Родионова

Центральная субъектная оппозиция христианства в народной языковой картине мира: опыт верификации (на материале русских народных говоров)

Субъектно-образная система христианской традиции имеет – в своем каноническом (православном) варианте – достаточно четкую организацию, основывающуюся на принципе оппозиitarности. «Положительный» полюс создается прежде всего такими агенсами, как *Бог, Иисус Христос, Богородица, ангелы, святые*; «отрицательный»,

соответственно, представляют *дьявол (сатана), бесы (демоны, черти)*. Реконструируя специфическое содержание, стоящее за данными культурными знаками в народной картине мира, мы обращали особое внимание на то, в каких фрагментах концептуальных полей имен проявляет себя эта «базовая» идея оппозиitarности.

Сначала коснемся вкратце тех случаев, когда можно констатировать особую *актуальность оппозиции*. На уровне нашего материала о ней свидетельствует наличие в планах содержания знаков-маркеров разных полюсов соответственно противостоящих друг другу семантических компонентов, которые эксплицируются вторичными номинативными единицами «антонимичного» характера.

Во-первых, данная противопоставленность очень ярко прослеживается в тех зонах концептуального наполнения имен, которые сформированы непосредственно *христианской традицией* и практически не выходят из ее рамок (наиболее «канонические» и наименее трансформированные фрагменты образов-концептов). К таковым прежде всего относятся входящий в структуру ментальных образов положительного полюса *мотив праведности* и центральный в концептуальном поле негативной стороны *мотив греховности*. Оба мотива реализуются рядами номинаций, идеографически относящихся к сфере оценочных характеристик человека. Отношения оппозиitarности фиксируются здесь по ряду семантических доминант; приведем основные из них (с отдельными наиболее типичными примерами):

– **мотив набожности, благочестия, праведности (вообще)** (*набожный* ‘богомольный, тщательно соблюдающий все предписания религии’⁴⁰; *божественный* ‘верующий’ [ЮК, 27]; *избожник* ‘человек, живущий по закону Божьему, верующий’ [СРГК 2, 272]; *о Богу доходит* ‘праведный’ [ПОС 2, 60]) – **мотив вероотступничества, безбожия** (*антихрист* ‘вероотступник, безбожник’ [ПОС 2, 66]; *сатаник* ‘человек, не соблюдающий уставов церкви’ [ДО, 23]; *бесомыга* ‘безбожник’ [СРНГ 2, 269]; *бесиха* ‘женщина, не соблюдающая обычаев раскола’ [СРНГ 2, 267]);

– **мотив доброты, милосердия** (*по-божьему, побожно* ‘милостиво’ [СРНГ 27, 199]; *о нет Бога в ком-л.* ‘нет сострадания,

---

⁴⁰ Виноградов В.В. Историко-этимологические заметки. III // Этимология. 1965. М., 1967. С.166.

жалости, сочувствия' [ССРЛЯ² 1, 199]; *христовой* 'добросердечный, милосердный' [Опыт, 250]) – мотив злобы, жестокости (*сатанинская* (*дьявольская*) *злоба* [ССРЛЯ 13, 195; ССРЛЯ² 4, 566]; *аспид* 'злой, жестокий человек, ненавистник' [СРНГ 1, 286]; ♦ *чертом глядеть на кого-н., на что-н.* 'зло, сердито' [ССРЛЯ 17, 940]);

– мотив милостыни, доброго даяния (*богадельствовать* 'принимать на свое попечение старых или сирых, призывать нищих' [СРНГ 3, 42]; *христолюбец* 'о жертвующих на церковные нужды' [ССРЛЯ 17, 474]) – мотив скупости, стяжательства (*аспид* 'скупой, скряга' [СРНГ 1, 286]; ♦ *бесу суму шить* 'копить деньги' [ПОС 1, 186]);

– мотив справедливости, честности (*набожный* 'честный, добросовестный' [СРНГ 19, 122]; *по-божески* 'по справедливости, справедливо' [ССРЛЯ² 1, 674]; ♦ *жить на Боге* 'жить честно, добросовестно' [СРНГ 3, 41]; *нехрист* 'о бессовестном, несправедливом человеке' [СРНГ 21, 204]; ♦ *у Бога заработано* 'заслужено' [СРГК 1, 82]; *божья искра* 'совесть' [СРГНО, 33]) – мотив обмана, лживости (*беса морочить* [СРНГ 2, 261], *бесомыжничать* [СРНГ 2, 270] 'обманывать'; ♦ *черти яйца несут* 'во всем удача, прибыль' [СРДГ 3, 192] – очевидно, добытая несправедным путем. – И.Р.).

Во-вторых, весьма многочисленны примеры, когда противопоставленность осуществляется преимущественно на базе *обобщенного семантического компонента* (который может конкретизироваться частными смыслами) – соответственно, мелиоративного у имен положительного полюса и негативного у имен отрицательного. Здесь стоит упомянуть о существовании разнообразных ласкательных выражений (*боговый* [СРНГ 3, 47], *боженный* [СРНГ 3, 62], *богоданный* [СРНГ 3, 49], *христовушка* [Даль 4, 565], *ангелок* [ССРЛЯ² 1, 169], *ангелка* [ЯОС 1, 22]) и о широком использовании в функции бранных характеристик имен *дьявол, сатана, аспид, антихрист, бес, черт* и их дериватов. В той или иной степени оппозиция релевантна для названий растений: ср. ядовитые (*сатанинское зелье* 'ядовитое растение'⁴¹; *бешеница* 'ядовитое растение цикута' [СРНГ 2, 286]; *бешеная трава, бесила, бесиха* и др. 'белена' [СРНГ 2, 266; СРДГ 1, 26]) и целебные, лекарственные травы

⁴¹ Коновалова Н.И. Этнокультурные стереотипы в русской фитонимике // Язык, сознание, культура, этнос. М., 1994. С.75.

(например, народные названия тимьяна ползучего (чабреца): *богова слезка* [ЛК ТЭ], *божья травка* [СРНГ 3, 64], *богородская (богородицкая) трава* [ПОС 2, 70; Элиасов, 25; СРНГНО, 33; ЛК ТЭ]. В известной мере противопоставлены формулы-благопожелания (◊ *Бог с тобой*, ◊ *Бог в помощь*, ◊ *с Богом* [ССРЛЯ² 1, 657–658]; ◊ *Христос с тобой* [ССРЛЯ 17, 476]; ◊ *ангелы над тобой* [ФС, 17]) и инвективы-«отсылания», проклятия (◊ *дьявол (бес, черт) тебя (вас, его, их и т.п.) возьми, поberi, подери* [ССРЛЯ² 4, 566]; ◊ *иди, катись и т.п. к бесу* [ССРЛЯ² 1, 500]; ◊ *черт бы тебя (вас, его, их и т.п.) побрал* [ССРЛЯ 10, 45]).

Остановимся более подробно на явлении *нейтрализации оппозиции*. Под ним мы понимаем такие случаи, когда в концептуальных полях имен-оппозитов обнаруживаются сходные смысловые компоненты, при актуализации которых знаки как бы приобретают статус субститутов.

В ходе анализа нашего материала данное явление было зафиксировано прежде всего в связи с именем *Бог*, план содержания которого включает в себя ряд мотивов, типичных для концептуального наполнения знаков противоположной стороны христианской оппозиции.

Заметим, что это «совпадение» обусловлено, конечно же, не вторичным влиянием «отрицательных» образов на стереотип Бога, но является, скорее всего, закономерной реализацией заложенной в семантической структуре имени *Бог* и идущей от его архаического смысла способности к «энантисемии». На глубину и «исконность» данной тенденции указывают языковые факты, относящиеся, как можно предположить, к древнему слою лексики: *бог* ‘черт’ [Фасмер 1, 182]; укр. *богиня* ‘привидение’ [Фасмер 1, 182]; (ср.: укр. *богиня*, польск. *boginka* ‘чертовка, обменивающая у людей младенцев’⁴²); словин. *bóug* ‘идол, бес’ [ЭССЯ 2, 161]; (ср. также: *багаль* ‘нечистая сила’ [СРНГ 1, 32]; *бага* (удар.?) ‘воображаемое страшилище, которым пугают детей’ [СРНГ 2, 32]).

В диалектном материале имя *Бог* реализует данный фрагмент содержания в ряде мотивов.

⁴² Зеленин Д.К. Табу у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сб. музея антропологии и этнографии. Л., 1929–1930. Т. 7–9. С. 98.

1. Мотив болезни

Во-первых, допустимо предположить, что языковые факты этой группы возникли в рамках тенденции табуирования названий болезней. Известным эвфемизмом является обозначение оспы *богиня*⁴³ (с.-хорв. *богиње* [ЭССЯ 2, 163]); ср.: *божественная оспа* 'натуральная оспа' [СРНГ 3, 62].

Во-вторых, здесь можно усмотреть экспликацию представлений, в общем-то, не слишком расходящихся с «традиционными». Например, пониманием болезней как божьего наказания могли быть мотивированы номинативные факты *божья* 'эпидемическая болезнь' [СРНГ 3, 65]; *божье* 'сыпь от золотухи на лице' [СРНГ 3, 65] (мотив «отмеченности»?); Выявленный при целостном описании ментального образа Бога мотив неизвестности, явленности извне, чужести и т.п. отразился, вероятно, в номинации *божья* 'болезнь, причина которой неизвестна' [СРНГ 3, 65].

К этой же группе следует отнести лексемы *багарадка* 'лихорадка' [СРНГ 3, 33] и *божачка* 'нарыв на теле' [СРНГ 3, 61]. В первой из них можно усмотреть, с одной стороны, актуализацию семы убогости-уродливости (ср.: *богородный*, *багарадный* 'немошный, убогий, калека' [СРНГ 3, 42, 33; ЛК ТЭ]; *багарадина*, *багарадь* 'уродливое, убогое существо' [АОС 1, 85]); с другой – рефлекс демонологических представлений об уродливых сестрах-лихорадках; во второй – результат семантической контаминации рассматриваемого имени с лексемой *болячка*.

Ср.: *бесиха* 'болезнь горла' [СРДГ 1, 26]; *бешиха* 'болезнь рожа; опухоль, флюс; злокачественная опухоль' [СРНГ 2, 287].

2. Мотив одержимости

Устойчивому представлению об одержимости бесом (который вселяется в человека и обретает над ним власть) соответствует такой факт стереотипного сознания, как понятие о «божьей воле» – некоей внешней стихийной буйной силе, способной овладевать людьми.

Слово *божевольный* (его внутренняя форма – 'находящийся в божьей воле, власти', что может быть интерпретировано как 'не владеющий собой') дает парадигму значений, идентичную той, которая выстраивается у дериватов от имени *бес*; базовой является идея одер-

---

⁴³ Зеленин Д.К. Табу у народов Восточной Европы и Северной Азии. С. 79.

жимости (буйного помешательства), дающая по логике семантического развития модификации: гнев, вспыльчивость; вздорность, самодурство; озорство, шалость:

а) *божевольный* 'одержимый припадками, помешанный, сумасшедший, безумный' [СРНГ 3, 62]; *божеволиться* 'бесноваться, сходиться с ума, быть одержимым припадками' [СРНГ 3, 61]; *обожеволиться* 'сойти с ума, помешаться' [СРНГ 22, 157]. Ср.: *божье*, *божье* 'эпилепсия, падучая' [СРНГ 3, 65]; *божья* 'горячка' [СРНГ 3, 65]; ♦ *божьим* (дурным, благим) *матом* 'очень громко, изо всех сил, изо всех сил, быстро бежать' [ФСРГС, 110, 26] (очевидно, как одержимый, сумасшедший).

Ср.: *беситься*, *бесеть* 'сходить с ума' [СРНГ 2, 266]; *бешеный* 'одержимый бесом, сумасшедший, взбесившийся, потерявший рассудок' [Даль 1, 158]; *бешенец* 'помешательство, сумасшествие' [СРНГ 2, 269]; *бесна* 'падучая болезнь, родимец и др. конвульсивные болезни, приписываемые бесовскому наваждению' [СРНГ 2, 266].

Возможно, идея помешательства, одурманенности, вошедшая в круг представлений о Боге, лежит в основе номинаций растений: *боговы кучери* 'растение (какое ?), цветущее бледно-сиреневыми цветами с сильным запахом': //если боговы кучери сорвешь да в дом, дак угоришь от них... дух от их страшный // [ФСРГС, 102]; *боговник* (удар.?) 'растение (какое ?)': //мальчик в лесу не гоноболью объелся, его боговник одурманил // [СРНГ 3, 47].

Ср.: *бесовина* 'всякое растение, содержащее в себе яд или одурманивающие вещества' [СРНГ 3, 269]; *бесиво* [СРНГ 2, 266]; *собачья бесила* [СРДГ 1, 26] 'растение дурман обыкновенный';

б) *божевольный* 'очень вспыльчивый, злой, упрямый, своенравный' [СРНГ 3, 62]; 'страстный до безрассудности' [ССГ, 208]; *божеволиться* 'дурить, сумасбродить' [ПОС 2, 74]⁴⁴.

Ср.: *бешеный* 'вспыльчивый, неистово горячий' [Даль 1, 158]; *бесной* 'неуравновешенный, вспыльчивый' [СРГК 1, 69]; *бешанец* 'шаловой, сумасбродный человек' [СРНГ 2, 286];

в) *божевольный* 'шаловливый и пугливый' [СРНГ 3, 62]; *божеволиться* 'дурачиться, шалить' [СРНГ 3, 61]; *божевольник* 'озорник, проказник' [ПОС 2, 74]; *божевольница*, *божевольщина* 'дом, где за деть-

⁴⁴ Актуализация признаков 'вспыльчивый', 'упрямый', 'своенравный' могла произойти, кроме того, при педалировании компонента 'вольный'.

ми нет присмотра; шаловливые, озорные дети' [СРНГ 3, 61]; ср.: *боже-вольник* 'ласковое обращение к ребенку' [СРНГ 3, 61].

Ср.: *беситься* 'безудержно резвиться, шалить' [ССРЛЯ² 1, 503]; *бесоваться* [СРГК 1, 69], *беснуться* [АОС 2, 13] 'безобразничать, шалить, озорничать'; *бесененок* [Даль 1, 158], *бешава* [СРНГ 2, 270] 'шалун, сорванец, проказник'.

3. Мотив проклятия

Он эксплицирован языковыми фактами *богдай* 'провались, погибни' [СРНГ 3, 47]; *бодай* 'выражает проклятие, пожелание кому-либо гибели, всего дурного: пусть, чтобы' [СРНГ 3, 54]; слвц. *bohovat* 'проклинать, бранить' [ЭССЯ 2, 160]; ср. идентичную русскую лексему с не совсем ясной дефиницией: *боговать* 'ругаться, упоминая Бога' [СРДГ 1, 32]. Присутствие этого мотива в ментальном образе Бога следует, вероятно, оценивать как рефлекс архаического словоупотребления, когда имя *Бог* еще не приобрело христианский смысл; ср. укр. проклятие *щоб тебе черний бог убив* ⁴⁵.

Ср. многочисленные инвективные вербальные формулы-проклятия и «отсылания» с компонентами *дьявол*, *бес*, *черт*.

4. Мотив колдовства, дурного предсказания

О.Н.Трубачев относит рус. диал. *бажить* 'по поверью, с помощью колдовства насылать несчастья на других' (варианты: *божить* 'предсказывать' [СРГСУ-Д, 34]; *бажить* [СРНГ 2, 46], *набажить* [СРНГ 19, 103] 'накликать, предвещать беду, несчастье, желать кому-л. зла, неприятностей'; *набажить* 'сглазить' [СРНГ 19, 103]; *божить* 'накликать беду, несчастье' [Акчим 1, 76]) к гнезду корня *baziti, развивающего значения 'хотеть', 'желать', 'любить' и т.п. [ЭССЯ 1, 173].

Не оспаривая этимологии, можно, однако, предположить здесь контаминационную перестройку слова, осуществившуюся вследствие имеющей архаические корни включенности мотивов колдовства, гадания, предсказания и пр. действий, относящихся к контакту со сверхъестественными силами, в ментальный образ имени *Бог*, ср.: чеш. диал. *bozice* 'гадалка' [ЭССЯ 2, 227]; словен. *boginja* 'гадалка'; слвц. *bogyna* 'колдунья' [ЭССЯ 2, 163].

---

⁴⁵ Зеленин Д.К. Табу у народов Восточной Европы и Северной Азии. С.96–97.

Ср. *бесник* 'тот, кто, по суеверным представлениям, знается с бесами (колдун и пр.)' [СРНГ 2, 269]; *бесовка* [ССРЛЯ² 1, 509]; *чертовка*, *чертиха* [Даль 4, 59] 'ведьма, колдунья'⁴⁶.

5. Бог – черт: мотив природных явлений, дикой природы

Мотив внешнего природного пространства как сферы «локализации» субъекта в народной картине мира является в некоторой степени общим для стереотипов Бога и черта.

Приведем самые очевидные параллели.

Номинациям *боголом* [ЛК ТЭ], *боголомник* [ЛК ТЭ; АОС 2, 44] 'бурелом'; *боголомина* 'поваленное ветром дерево' [АОС 2, 44] соответствует языковой факт *чертолом* 'бурелом' [ЛК ТЭ]. Заметим, впрочем, что при явном параллелизме здесь можно усмотреть некоторые семантические отличия, проявляющиеся в мотивировках: в первом случае акцент ставится на «нерукотворности» явления (*//навывертывала погода боголомник//*; *//ее никто не срубил, сама лежит, боголомина//*; *//боголомник, его как Богом выломало//* [ЛК ТЭ; АОС 2, 44]); во втором – на труднопроходимости места, причем номинация имеет экспрессивный оттенок (*//чертоломина така, завалено все, черт ноги заламает//* [ЛК ТЭ]). Подтверждает это предположение вариант *чертолом* 'заросли кустарника, труднопроходимое место' [ЛК ТЭ].

Мотив дикого животного, растения, входящий в структуру ментального образа Бога (ср., например, *богова капустка* 'подорожник' [СРГСУ-Д, 32]; *божий хлеб*, *божьи хлебцы* 'клевер' [СРНГ 3, 64]; *божья (богова) коровка* [СРНГ 3, 48]; *богова мушка* [АОС 2, 43]; *божья козявка* [СРНГ 2, 64] 'насекомое *Coccinella septempunctata*'; *божий (богов) конек* 'насекомое кузнечик; стрекоза' [СРНГ 3, 64]), эксплицируется по той же модели и в связи с теми же представлениями о черте (ср.: *чертова редька* 'речная трава' [ЛК ТЭ]; *чертов лук* 'болотная трава со стеблями, похожими на перья лука' [ЛК ТЭ]; *чертова курица* 'большая болотная курица, камышник' [Даль 4, 598]).

Энантиосемия свойственна также имени *ангел*, ср.: *ангел*, *ангель*, *андел* 'нечистая сила, черт' [СРГК 1, 19]; *тяжелый ангел* 'магическая сила, приносящая несчастья, болезнь' [СРГК 1, 19]; *аггел* 'дурной, злой прислужник, слуга сатаны'⁴⁷; *агиль* 'дьявол' [ССГ, 63]; *агаль* 'злой дух'

⁴⁶ Номинации, возникшие уже в рамках христианской традиции.

⁴⁷ Микельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 6.

[СРНГ 1, 200]; *аггел (агил)* 'бранное слово': //ну, ты, агил проклятый// [СРДГ 1, 1]. В отличие от предыдущих случаев здесь объяснение этому явлению находится непосредственно в христианской традиции, в канонических текстах которой ангелами называются не только сторонники Бога, но и слуги сатаны – падшие ангелы, бесы, ср. книжное *ангел тьмы* 'сатана' [ССРЛЯ² 1, 162]. Фонетические варианты имени, выступающего в «отрицательном» значении, отражают, возможно, попытки носителей языка развести противостоящих референтов на уровне обозначений; ср. свидетельство Д.К.Зеленина: «Русские местами различают доброго христианского духа *ангел* от злого *аггел* или *агаль*»⁴⁸.

Таким образом, явление нейтрализации христианской оппозиции ограничивается тем, что имена положительного полюса *Бог* и *ангел* выражают смыслы, относящиеся в христианской традиции к противоположному полюсу системы. С именем *Бог* это происходит в том случае, если актуализируются древние, дохристианские элементы семантики; «двузначность» имени *ангел* есть – с объективной точки зрения – результат адекватного отражения прецедентного текста.

В заключение еще раз отметим, что в статье были рассмотрены только те фрагменты ментальных образов субъектов христианской традиции, которые обусловлены идеей оппозиitarности. Эта часть содержания имеет «синтактическую» природу, поскольку приобретает знаками в условиях их взаимодействия с другими знаками системы. Однако, как выяснилось в ходе анализа материала, ментальные образы данных субъектов в значительной своей части строятся во внекоррелятивных семантических пластах, проявляя в той или иной степени тенденцию к автосемантичности. Например, концептуальный смысл имени может развиваться наиболее полно в нарративном направлении (мотивы предательства – казни и странничества в структуре образа Христа); иногда особую актуальность приобретают визуальные характеристики (мотив крыльев и привлекательного внешнего вида в комплексе представлений об ангеле). Преобладающая часть ментального образа Бога реализуется в понятийной сфере и вбирает в себя представления, являющиеся стержневыми в структуре картины мира (мотивы блага, доли, судьбы); тогда как образ черта эксплицирует свое содержание преимущественно в предметной идеографической сфере и относится к бытовому уровню

---

⁴⁸ Зеленин Д.К. Табу у народов Восточной Европы и Северной Азии. С. 101.

народной картины мира. Итак, концептуальное содержание, которое стоит за ключевыми именами христианской традиции в народной картине мира, имеет сложную структуру, состоящую из гетерогенных по своей природе ментальных образований, и требует дальнейшего изучения.

О.В.Мищенко

К вербальному освоению пространства: анализ дериватов гнезда *лес*

В статье на базе анализа приставочных дериватов лексемы *лес* рассматривается проблема восприятия и освоения лесного пространства. Отправной точкой при анализе материала послужило представление о лесе как о явно противостоящей человеку части пространства, поэтому семантика данных дериватов рассматривается прежде всего с точки зрения отражения в ней пространственных отношений.

Анализируются лексические единицы литературного языка и русских народных говоров. Анализ опирается в первую очередь на приставочный инструментарий (рассматривается пространственная семантика префиксов) и осуществляется с точки зрения как ономаσιологического, так и семасиологического подхода.

Ономаσιологический подход базируется на словообразовательном значении дериватов исследуемого гнезда. Основная проблема – выявление позиции наблюдателя (номиналирующего субъекта) по отношению к локусу, представляющему собой лесное пространство. Логично предположить, что важными с точки зрения номинации являются позиции *вне* и *внутри* леса. Как кажется, позиция наблюдателя проявляется в использовании определенных префиксов при номинации пространства, в данном случае лесного, и его частей. Выявление семантики префикса позволяет вскрыть внутреннюю форму деривата и, отталкиваясь от этого, определить место номиналирующего субъекта.

В ходе анализа материала выделен ряд дериватов, отражающих *внешнюю* по отношению к лесу позицию номинатора. К ним относятся дериваты с префиксами *вз-, при-, у-, об-, под-*, называющие край леса или пространство, к нему прилегающее. Например: *взлесок* ‘опушка леса’ (СРНГ 4, 264), *прилесок* ‘лесок, лесочек, отделившийся от большого леса’ (Даль 3, 424), *улесье*, *улесье* ‘лесная опушка’ (Даль 4, 490), *улесок* ‘небольшой. реденький лесок, перелесок’ (Даль 4, 490), *облесье*